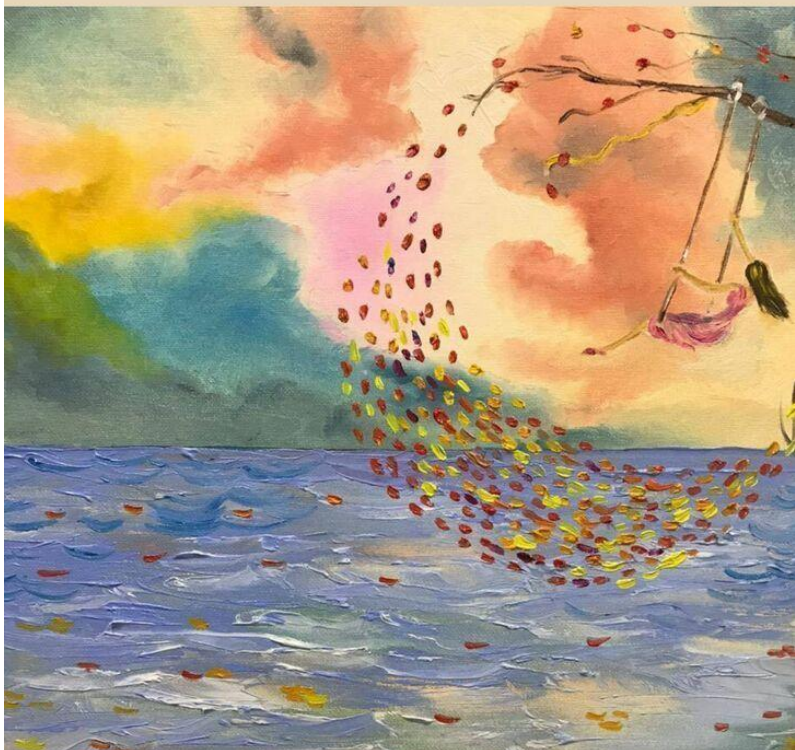

18+

Михаил Андреев-Амурский
Светлые дожди памяти

Проза. Избранное

Михаил Андреев-Амурский

Светлые дожди памяти.

Проза. Избранное

<https://litres.ru/74395753>

ISBN 9785007111218

Аннотация

В новой книге предлагаю новые сюжеты своего литературного творчества, навеянные жизненными наблюдениями. В них отражены самые интересные события, мнения, лица, характеры, поступки разных людей, встретившихся на моём жизненном пути. Прошлое нельзя изменить или вернуть — его можно только забыть или вспомнить, чтобы прожить заново, оценивая в душе сказанные слова и совершённые дела не только свои, но и других людей.

Содержание

Ливень в домашнем саду	9
По книжной дороге...	20
Таёжные дни и туманы...	35
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Светлые дожди памяти

Проза. Избранное

Михаил Андреев-Амурский

© Михаил Андреев-Амурский, 2026

ISBN 978-5-0071-1121-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**2010. «А за спиной гудят тысячелетья и дремлет
кактус времени Христа...»**

*Утро лёгкой косынкой упадет к моей лире,
Новым днём обернувшись, открывает роман.*

Ливень в домашнем саду

Тихо наступает новое летнее утро. Посветлели кроны яблонь, груш; неугомонные синицы, их конкуренты — воробьи, засуетились среди их ветвей в поисках пропитания. Первый день моего пятнадцатого августа. Просыпаюсь от холода на шершавой крыше нового сарайчика, построенного сбоку двора у выхода в наш большой сад.

Накануне с братом Васяней поспорили, кто выдержит ночную июльскую прохладу после вчерашнего проливного дождя и не прибежит домой спастись в тёплую постель. Однако ребячий сон крепок. Особенно после домашних трудов, задуманных на день отцом — приборки дома и всего хозяйства, заботы об урожае в саду и огородах. В общем, на каждый погожий день — занятий много, чего есть делать.

И уже когда пала первая утренняя роса на листья наших фруктовых кормильцев, слегка покатуя крышу с моим ночлегом, в мой сон мягко и неслышно вошло незнакомое будущее. Стою на краю каменного перрона, и грохочущий поезд медленно наплывает из темноты подземелья, сверкая трёхглазым светом на нитях блестящих стальных путей, торопливо выстилая их под своими вагонами. Серый мраморный зал в матовом свете с высокими уступчатыми колоннами по сторонам наполняется молчаливыми разноцветными человеческими фигурами, медленно плывущими по своим делам

вверх по бегущей бесконечной лестнице или торопливо заходящими в вагоны. И на своём пороге другого тысячелетнего века с удивлением вижу себя таким же, но уже в свои немалые семьдесят...

Далеко, позже во времени, этим залом оказалось метро в большом европейском городе, куда меня занесла неугомонная журналистская судьба. Вернувшись в своё время, сразу понял, что, стало быть, новый спор с моим самым младшим из старших «братуханчиков» я выиграл. Значит, теперь он пойдёт за продуктами в магазин, а я залезу под тёплую крышу чердака дома и полистаю старые книги, сложенные там братьями по настоянию родителей за ненадобностью.

Вообще-то, их, замечательных по жизни, у меня пятеро. Совсем старшие уже разъехались по местам жительства, а мы, последняя троица, остались ещё дома доучиваться в школе. Три старшие сестры тоже давно обжились с семьями в самых разных местах нашей необъятной страны и порою приезжали на наши семейные праздники или так, просто повидаться. Так что семейство наше, как выдалось по судьбе, совсем немаленькое. Одних племянников полдюжины. С ними тоже бывает весело.

А сейчас наши загорелые школярские тела в каникулы ещё греются под солнцем. Сегодня выходной, но мама всё равно ушла на работу в столовую моряков дальнего плавания, по-нашему — в «мореходку». Она классный повар и, ко всему прочему, по доброте душевной, никогда не может от-

казать своей начальнице, полной и рыхлой, как вчерашняя улежавшаяся плюшка, поработать в выходной.

Небо неожиданно потемнело, снова стал накрапывать дождь. Быстро спускаюсь во двор с прохладной крыши, таща за собой небогатую постель из тощей подстилки, одеяла и маленькой подушки. Отец затемно уже на своей шофёрской работе. Он уходит в гараж рано-рано, приходит, изрядно уставший, поздно вечером. Мама вечером наказывала нам собрать упавшие яблочки и груши, их называли падалицей, перебрать плоды и почистить их для варенья. Да мы и не отказывались никогда. Было трудно, но интересно их собирать, потому что многое, самое-самое спелое и вкусное, до корзинки не доходило — тут же съедалось. И, главное, самое смешное по — сегодняшнему, никогда животами не маялись...

А вот сейчас дождь разошёлся, да не на шутку. Но и подливнем, ради смеха — кто быстрее соберёт урожай, — быстренько пробежались под деревьями, вернулись в дом. И теперь, почти высохшие и немного уставшие от такого дневного приключения, сидим втроём у окна с видом на сад. Перед нами на столе свежие плоды, но мы уже не смотрим на них. Створки рамы открыты настежь. Сверху, с крыши, льются, шурша, прозрачные струи воды. Мокрая листва деревьев в саду шелестит под ударами бесконечных небесных капель, дрожа и качаясь в лёгком воздушном танце. Влажный туман нехотя поднимается от тёплой ночной земли и постепенно

тает среди ветвей, томно согнувшихся от спеющих плодов. Свежий запах дождя ложится в душу, растекается по всем её незаполненным уголкам и пространствам. Молчим. Младший брат Сашок в соседней комнате тихо переоделся в сухое. Присел рядом:

— Не могу ходить под дождём. Сразу становится холодно, как-то сыро, — и вертит в руке поспевшую грушу, размышляя, съесть ли её тут же или пока повременить.

За окном дождь... А мы играем.. (фото автора, 1963 г.)

— А мне нравится, — смотрю в его уже загорелое лицо с толстыми линзами очков, — приходишь мокрый, а потом — в сухое. Ощущение — как спасение от чего-то натурально плохого. Васяня, старший брат, тут же вошёл в наш разговор: — Чего спорим? Мокрота она и есть мокрота. Давайте лучше в домино «сгоняем», «козлика» забьём. Он всегда ловко находит выход из любого положения. Быстрый, весёлый, любит, как и отец, разные слова-прибаутки. Сашок тут же согласился и потянул с красивой резной этажерки коричневого дерева, купленной отцом по случаю на послевоенной «толкучке», потемневшую пластмассовую, обтресканную по краям коробку с белыми, под слоновую кость, пластинами. Их быстро разложили, начали играть, по-взрослому стуча по круглому столу.

А я всё ещё словно стоял под струями воды, льющейся с неба. Они целиком втягивали в себя, плавно растекались по всему телу, в них уже не было совсем ни холода, ни влажного тумана. Лишь мягкий убаюкивающий поток, падающий с неба, исчезающий в земном пространстве у моих ног. Но главное, я был вне игры, раскладывая, и, как ни странно, довольно удачно, кости, одновременно жил в своём дожде, слыша его тихий, замолкающий разговор капель, летящих с неба и умирающих на земле среди разноцветного песчаного гравия, насыпанного нами для пользы и красоты под окнами.

Сашок и Васяня уже выиграли кряду по два раза, я же со своими мыслями дважды, совсем не торопясь, «засушил

рыбку», и под эти аккорды наши дождевые посиделки мирно закончились. Завершив игру, Васяня подмигивает мне:

— А помнишь, как на днях с тобой за керосином ходили? Ещё разок сбегает на другой неделе? — это был явный намёк на тот случай, когда мы в торговом «походе» на сдачу купили совсем не классного мороженого «пломбира», а всего лишь пачку совсем диких, по-теперешнему времени, папирс «Беломорканал». Лучше было бы тогда съесть пломбира... Это была радость-сладость, про которую в те времена не надо было никому ничего объяснять. Белый, как облако, пломбир с ванильным восхитительным ароматом — ни одной капли какого-нибудь отвратительного пальмового масла, одни только сливки, молоко, сахар. И ничего больше! Вафельный жёлтый стаканчик в обворожительном процессе еды становился прелестным бонусом — его можно было есть вместе с мороженым, пока он был хрустящим и не превращался в мягкую сладкую губку, «тающую на зубах»...

Не знаю, как и чем, но он твёрдо убедил меня, что всё в жизни надо попробовать. И я, расплавленный жарой и полуденным солнцем, легкомысленно-податливо соглашаюсь. В уличном ларьке, каких в городе было больше, чем грибов в лесу в урожайный год, продавщица, красная от жаркой духоты своего убогого помещения, ничего не спрашивая, мокрой и липкой от пота рукой протянула Васяне пачку с тусклой надписью «Беломорканал».

Отошли недалеко. У школы плавсостава остановились,

чтобы распаковать коробку и попробовать эту... гадость. Васяня, как старший брат по званию, взял на себя решение этой задачи. Вынули по одной папиросине, закурили... У меня сразу перехватило дыхание, слёзы брызнули из глаз — вонючий дым жёстко встал в горле комом, не давая дышать. В голове тут же мелькнули слова Ноздрёва из гоголевских «Мёртвых душ»: «Во рту — как эскадрон переночевал...»!

И я мгновенно принял решение — курить не буду никогда! Но брату сказал только: — Слушай, а давай поспорим и на это. Дадим зарок на всю жизнь совсем не курить. Он тут же согласился:

— Да, дрянь мерзкая... А кто нас рассудит? Я оглянулся кругом. На наше счастье мимо шёл морячок из этой самой школы плавсостава, он и стал нашим судьёй по жизни:

— Здравствуйте, — Васяня оглянулся по сторонам, словно чего-то боясь, — помогите нам спор решить.

— Какой спор? — бравый штурманец в морском кителе с многочисленными желтыми нашивками на рукавах как раз подходил под наш заговор.

— Да мы тут заспорили меж собой, — Васяня неловко выдавливал из себя слова, — что в жизни больше курить не будем, а рассудить-то некому. Ну Вас и решили попросить быть нашим рефе... — тут он запнулся, вспоминая слово, видимо, не зная, как завершить разговор.

— Судьёй, значит, вашим быть? — морячок расплылся в улыбке, — так это запросто. Насчёт помощи точно могу. Та-

кое дело хорошее. Только уговор всегда держите как надо. Мореход вам советует. Давайте ваши руки, — с этими словами он легонько стукнул по нашим соединившимся ладошкам своей крупной кистью с синей татуировкой якоря возле большого пальца и добавил:

— А где предмет спора? — При этих словах Васяня молча протянул ему уже вскрытую нами коробку «Беломора». Штурманец усмехнулся:

— Да, пацаны, лихо начинаете. Ну что ж, правильно, вы сейчас спорите. Позже по жизни всяк труднее будет... — вздохнув, Васяня тут же согласился:

— Возьмите, ну, как бы в подарок, вам они в самый раз, нам-то они будут не нужны, если заспорили да и отказались.

— Раз так, морское спасибо! — морячок широко улыбнулся, приветливо коснулся руками наших плеч и пошёл в свою школу-мореходку, привычно ступая, как по палубе, широкими, твёрдыми шагами. Помолчали. Отдохнув немного, понесли домой свою важную трудовую ношу — квадратный бачок с керосином для домашнего агрегата-кормильца.

Потом до самого вечера правдами и неправдами срочно избавлялись от табачного запаха — обоняние у отца было отменное, и за такое баловство можно было схлопотать какое-либо наказание. Сашке мы вообще ничего не рассказывали о таком горячем споре, хотя он и сам догадался по нашим таинственным переглядываниям за ужином.

Это была, возможно, моя самая первая победа над собой

в жизни. Я ею втайне гордился, что устоял перед соблазном, сдержал своё ребяческое обещание навсегда, сделав такую прочность законом духа. Васяня потом, по уговору отца, пережившего годы войны в Китае с коварными и жестокими японцами, передумает быть военным.

Поступит в Омское лётно-техническое училище, станет важным аэродромным специалистом. И в тяготах курсантской жизни решит не отставать от привычек своих товарищей по учёбе и службе. А Сашок, по странности судьбы закончив тот же университет, что и я, как-то разом бросит наскучившую ему нищенскую работу учителя в школе, станет строителем, привыкая к сложному труду между небом и землёй, в котором также не было никакого права на малейшие ошибки...

Откуда нам всем тогда было знать, что первый тёплый августовский вечер будет одним из самых замечательных мгновений нашей жизни, навсегда оставив память о светлых дождях. Пройдёт почти полвека, и мои ближние братцы совсем неожиданно уйдут из жизни молодыми, самыми первыми из всех нас, стойко перетерпев адские лишения, гнилое убожество лихих 90-х, тяжкое начало третьего тысячелетия, а я, оставшийся предпоследним из шестерых братьев, одного за другим буду провожать их в тусклое небытие...

Здесь всё не то, и не живёт как раньше,
Здесь не глядит в окошко георгин,

И яблоня не зацветает дальше
Рассветным маем посреди руин.

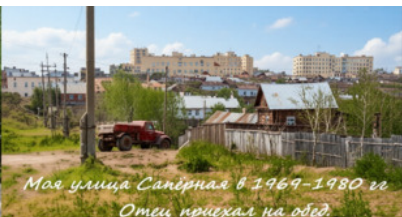
Другая жизнь, иные вечера,
Скользят над стенами, возникшими из пепла
Моих садов, исчезнувших вчера,
И гревших жизнь неугасимым светом.

Весёлым, грустным был в свои года,
Мой дом на взгорке, обогретый солнцем,
Закатный луч и капельки дождя
Теплом надежды падали в оконца.

Я не пророчил счастья никогда,
А жизнь менялась разноцветьем мира.
Но дом остался в сердце навсегда
Звучать струною вдохновлённой лиры.

Моя улица Сапёрная сегодня, в 2026

*Моя улица Сапёрная в 1969-1980 гг.
Отец приехал на обед.*

По книжной дороге...

Над верхушками деревьев сада розовело небо. Досматриваю последние сны в объятиях прохлады своего почти лесного ночлега — на крыше сарайчика во дворе дома. Вчера Васёк и Сашка, разгорячённые вечерней игрой в футбол, отказались спать на воздухе. Им показались слишком холодными июльские ночи:

— Ты самый горячий из нас со своей героической кровью, вот тебе и уступаем местечко, — при этих словах Васёк подмигивает Сашке, думая, что я не вижу его шутливой рожицы.

— Таки ладно, — соглашаюсь с ними, — мне места будет просто больше и всё одеяло станет моим... Окончательно проснувшись, спускаюсь с крыши. Вместе начинаем заниматься обычными домашними делами, которые вечером наказали родители: поливка сада, огорода, сбор упавших плодов, поход в магазин за продуктами. Сделав свою половинку дел, братья, как самые шустрые, вызвались идти в магазин, и через несколько минут на дворе их след моментально простыл.

Закончив свои дела, успеваю перекусить вкусными поспевшими сортовыми грушами «Внучка» — они изумительно круглые, ровные и к тому же ещё приятно терпко-сладкие. Как и говорил отец, их в этом году поспело много, так что август обещает быть хлопотным, да и не только из-за них.

Нужно будет делать всякое варенье, потом замочить плоды в бочках, спустить их в холодный бетонный погреб. Чтобы потом, на ноябрьские праздники — 7 ноября, да и под Новый год, можно было лакомиться сделанными заготовками.

А пока бегаю с лейкой и вёдрами по саду-огороду, небо начинает хмуриться, обещая дождь, а то и ливень. Но за кронами деревьев этого пока не заметно, и я увлечённо стараюсь напоить полезную садовую растительность. Среди них немало цветов, росших заботами мамы: розы, астры, георгины разных видов, гладиолусы, большие разросшиеся кусты сирени.

Входившего в наш дом сразу встречал яркий цветник, видный из-за невысокого простенького штaketника, протянувшегося вдоль тротуара до самого входа. Разноцветные лепестки роз, бутоны на столбиках побегов гладиолусов, покрытые прозрачными сияющими бриллиантами утренней росы, шапочки изумительных соцветий георгинов быстро оживляли душу, радовали глаз и поднимали настроение.

Мама была родом из самой что ни на есть белорусской глубинки. Она родилась ещё в начале прошлого века в ходе «столыпинского» переселения безземельных крестьян из Могилёвской губернии на Дальний Восток. Родителей, обосновавшихся в одной из деревень под Хабаровском, названной в честь переселенцев Могилёвкой, она почти не помнила — отца убили из-за передела земли, а мать умерла после него от страданий и от голода в самые первые, лихие годы

после Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Потом, в тяжёлой крестьянской жизни, некогда было заниматься цветами, учиться их выращивать. Надо было очень много работать. И только лишь когда стало немного легче, обрела наконец свой дом и семью, тогда позволила себе немного, самую чуточку — приоткрыть свою душу. Светлую и вдохновляющую. Занялась цветами, красотой которых можно было хоть немного скрасить послевоенные тяготы жизни, дать выход своей неугасимой страсти к прекрасному.

Именно благодаря ей в нашей жизни ни один день первого сентября и другие домашние праздники никогда не обходились без прекрасного букета её незабываемых цветов. Прошло часа три. Закончив беготню по саду, заглядываю в дом. Братья из магазина ещё не появились, и это было странно: обычно они не задерживались на улицах с авоськами в руках. Но раз их нет, думаю, надо забраться на домашний чердак и посмотреть, чего там новенького оставили Костя и Таня, брат и сестра, мои средние из старших. Они постоянно переносили туда лишние вещи, в основном книги, оставшиеся от уехавших братьев и сестёр.

Книжек в собранной домашней библиотеке было слишком много. То, что можно было взять с собой, они забрали. Ну а оставшиеся доверили судьбе, т. е. нам, младшим. В этот миг словно сама судьба шепнула мне в душу: «Давай, залезь, посмотри, чего там твои сёстры да братцы понаоставляли.

Ты ж ни разу ещё не видел...».

Через несколько минут я уже был на крыше нашего дома, оглядывая в дневных сумерках сложенные здесь «богатства»: кипы книг, противни с сушёными плодами, которые мама просила расположить для сушки под стрехой, пучки лечебных трав, собранные ею для избавления нас от разных хворей, отцовские запасы пакли, чтобы конопатить окна на зиму.

Разглядывая всё это хозяйство, не заметил, как по крыше зашуршал, постепенно усиливаясь, дождь. А когда полились настоящие потоки, спускаться вниз по скользким скатам было уже поздно, да и опасно. Решив переждать грозу, присаживаюсь поудобнее на старый стул и начинаю листать литературное прошлое моих братьев и сестёр.

И действительно, пока старшие Сергей и Елена, учившиеся на врачей, жили в доме, у них на полках большущего самодельного шкафа было множество книг, в основном на медицинские темы. Но волевая, самостоятельная Елена читала и серьёзные «толстые» журналы: «Новый мир», «Иностранная литература».

У неё и библиотека была нешуточная. Закончив «мед», Елена уехала после громкого спора с большими медицинскими начальниками в Забайкалье, получив в отместку назначение детским доктором на одну из глухих станций железной дороги — «Ерофей Павлович». С собой она увезла два (!) чемодана книг, а из вещей — всего ничего...

Место книг Елены заняла литература Сергея. Его точный, аналитический ум математика и электронщика вдруг «запал» на бионику, и, вернувшись из армии, он поступил, неожиданно для себя да и всех домашних тоже, в «мед»!

Передвинувшись поближе к слуховому оконцу, чтобы лучше видеть страницы первой взятой в руки книги оключениях Тиля Уленшпигеля, вспоминая их первый, а может быть и не последний, ночной разговор после возвращения Сергея из армии. Они сидели возле моей постели и тихо беседовали о своём будущем, не подозревая, что меня разбудили, а я слышу их разговор, лёжа с закрытыми глазами, боясь их потревожить. Елена представляла свою будущую работу детским доктором в какой-нибудь районной поликлинике, а Сергей горячо объяснял своё новое увлечение:

— Сейчас кибернетика на взлёте, везде строят роботов, а я тут «электронное пианино» себе собираю всего-навсего, — убеждённо доказывал он Елене.

— А ты думаешь, там только одних роботов и будешь всегда придумывать? — тихо отвечала она ему, — с самого первого курса «бомжей» ежедневно пластать будешь на патологической анатомии, а пока до биофизики своей на третьем курсе дойдёшь, вся охота у тебя и пропадёт. Несколько минут они молчали, обдумывая сказанное. Потом Сергей, упрямо не соглашаясь, возразил:

— Ну, если не роботы, так уже медтехники всякой полным-полно. А мне всегда работа найдётся, если разонравит-

ся лечить больных». И как в воду глядел.

Уже став врачом-терапевтом и потрудившись на военном авиазаводе, он вернулся в родной город семейным человеком, реально смотрящим на жизнь, не потеряв, однако, своей давней мечты работать с медицинской электроникой. Прошёл специализацию на кардиолога и работал им, пока время не сказало: «Хватит!» Их беседа потихоньку растаяла во времени. Оглядываю запылившиеся книжные сокровища.

Сверху большой ближней стопы книг лежит толстый том в коричневом коленкоровом переплёте с красивой надписью буквами старого алфавита — «Гулящие люди». Слово «Гулящие» — ещё и в языках пламени. Думаю: «Да, вот это надо почитать сразу. Видать, стоящая книга».

И не ошибся, когда потом, ночами напролёт, сидя в самом тёплом углу комнаты, за печью (наш деревянный дом ею отапливался), с трепетом в душе следил за действиями главного героя — Сеньки, стрелецкого сына, ставшего соратником казачьего атамана Стеньки Разина. Завидовал его силе, упорству, настойчивости. Оригинальный язык повести, полный архаизмов, старых понятий времён XVII века в России, сначала был сложноват, но потом я привык и полностью погрузился в атмосферу событий тех лихих времён, переживая за судьбы смелых людей.

Другая красивая книга тоже меня покорила. Я её уже начал читать, сидя под потоками света из слухового оконца крыши. Увесистый томик из плотного белого коленкора с

красивой вязью «Легенда о Тиле Уленшпигеле из Фландрии» был приобретением Елены и был полон красивых смешных сюжетов из жизни главного национального героя голландского народа. Можно было только радоваться, как Тиль-пересмешник, вместе со своим приятелем-толстяком Ламме Гудзаком, настоящим «мешком добра», всячески издевается над властью имущими.

Но такая историческая литература со своими яркими персонажами быстро перестала её привлекать, и сестра, со своей волевой самостоятельной натурой, пристрастилась к романам с острыми сюжетами, которые заставляли бы переживать. Один из них, позабытый или не взятый ею с собою, плавно перешедший в моё наследство, теперь красуется у меня на полке.

Болгарский писатель Димитр Димов мастерски и даже натуралистично описал любовные похождения капризной самовлюблённой богатой англичанки, путешествовавшей по kloпочущей революцией Испании 30-х гг. минувшего века в поисках острых ощущений. Симпатичная леди после случайной встречи в захолустном испанском трактире трусливо бросила своего любовника-американца, устроившего в нём драку, и сразу влюбилась «по уши» в красавца-монаха, оказавшегося её свидетелем, а заодно — одним из главарей иезуитского братства в Испании.

Глупая по жизни, исстрадавшаяся от переживаемых чувств, девушка не сразу поняла, что монах плотно вошёл к

ней в душу и использует её «на всю катушку», вымогая для своего иезуитского братства огромные деньги на свои бесчеловечные опыты с вакциной на незащищённых людях. В конце концов, разочаровавшись в его ответных чувствах, так и не поняв, что он не может принадлежать ей ни по каким причинам, она пристрелила его прямо на молитве в одной из палаток госпиталя, прямо среди тифозных больных.

И несколько позже, как бы в наказание за убийство, скончалась от гадких пристрастий, появившихся у неё во время работы медсестрой в полевом госпитале для бедных, где она помогала любимому человеку в уходе за больными. Она не знала, что этот изувер испытывал на больных испанских крестьянах свою непроверенную вакцину, а значит фактически их убивал.

Но об этом я узнаю потом, спустя несколько дней, когда запоем прочитаю и эту книгу. И сразу пойму, почему некоторые странички этой книги, буквально затёрты, прочитаны сестрой не единожды...

А сейчас, утомившись чтением в сумерках, лежу на огромной горе пакли, подстелив под себя брезентовый охотничий дождевик отца, висевший под стропилами... Сумерки угасающего дня и неумолкающая песня дождя постепенно погружают меня в сон. Шуршание капель по скатам крыши становится почти сказочным шёпотом с приглашением в другую, волшебную страну. Отказаться не могу, даже если бы очень захотел... Здесь прохладно и хорошо. Свежий воз-

дух пропитан влагой, пряным запахом сухих лечебных трав и ещё чем-то неизмеримо далёким, что не могу пока узнать, прочувствовать в своей душе, но почему-то верю, что оно обязательно придёт, — это будущее...

Под тихо звучащими струями потоков воды по крыше неожиданно вспомнилась моя первая в жизни большая библиотека. Мама быстро заметила, что я полюбил читать книги безудержно и всепоглощающе. Уже в третьем классе записала меня в это прекрасное читальное заведение. Рядом с улицей К. Маркса в моём родном городе Хабаровске, сейчас это проспект Муравьёва-Амурского, названный в лихие 90-е годы в честь бывшего генерал-губернатора края, располагалась тихая и тенистая улочка имени корейского партизана-подпольщика времён Гражданской войны — Ким Ю Чена.

И на этой важной для меня улице находилась детская библиотека им. А. Гайдара. В ней я был добросовестным и честным читателем до самых 16 лет. От дома она была в полчаса ходьбы, нужно было всего-навсего лишь пересечь главный проспект и по спуску своей улицы быстренько дойти до библиотеки.

За летней работой над конспектами (фото автора, 1973 г)

Она представляла собой несколько довольно больших комнат первого этажа старинного красивого полукруглого дома, расположенного на углу этих улиц. Застывшие в прохладной тишине комнат стеллажи с книгами, маленькие столики с яркими журналами, — и среди всего этого — постоянная тихо шепчущая круговерть детей: читающих, листających, берущих книги, и просто зашедших передохнуть от зноя летом и согреться от холода зимой. Увидев целое море книг на полках, не удержался. В тот же день уговорил ма-

му дать своё поручительство, чтобы ходить в библиотеку и брать книги на дом.

Сначала я читал все книжки подряд, какие попадались на мои глаза. Но потом, когда успокоился, ко мне пришёл определённый интерес: история, приключения, военные события, герои, подвиги... Мало-помалу часть пристрастий выпала из моего поля зрения. Остались только персонажи приключений, история, различные войны. Частенько я задерживался в залах библиотеки даже по воскресеньям до вечера, и девушки-библиотекари были вынуждены вежливо выпроваживать меня под локотки, на что я нисколько не обижался — сильно уставал, но был страшно доволен.

Став завсегдатаем библиотеки, просто заядлым книгоцелем, постепенно вошёл в круг выступавших перед ребятами с рассказами о прочитанном, читал стихи, благо позволял голос. Он по тем временам был довольно громким и выразительным, тем более того, я весьма в этом старался, и его повсю использовали не только в библиотеке, но и в школе — «вожатые-комсомольцы» доверили мне работу диктора в школьном радиоузле, чем я особенно гордился. Листать книги, читать, размышлять над прочитанным для меня стало страстью души, и на долгие годы это почти заменило общение с живыми людьми — я действительно превратился в книгочея. Даже в проливной дождь мне было скучно сидеть дома над уже прочитанной книжкой, и я, не боясь вымокнуть до нитки, шёл в библиотеку.

Однажды летом, в такой дороге я настолько прозяб, измочив до краёв в огромных лужах под августовским ливнем свои старенькие ботинки, доставшиеся в наследство от брата Василия, что одна из девушек-библиотекарей, видя моё столь печальное положение, разула меня и, повесив рубашку сушиться напротив огромного горячего рефлектора, принесла целый стакан горячего чая, да ещё и с лимоном! Сидя за столом с книжкой и прихлёбывая сладкий горячий напиток, я с удовольствием шевелил своими замёрзшими, сморщенными от холодной воды пальцами ног. А мои ботинки-развалюхи мирно сушились у раскалённого обогревателя.

За окном бушевал очередной японо-тихоокеанский тайфун, по стёклам струились целые потоки дождя, а здесь, в библиотеке, было так сухо, сладко и тепло, что совсем-то и не хотелось покидать это волшебное и загадочно-интересное место. В сером тумане воды за стёклами окон прятались съёжившиеся от дождя деревья, мелькали быстрые силуэты пешеходов. Иногда несчастные животные, попавшие под остужающую влагу с небес, пытались спрятаться где-нибудь под ветвями берёз на улице, но это у них получалось плохо; они снова и снова искали какого-нибудь приюта в надежде спастись от пронзительного холода небесной воды.

А сюда, в светлое помещение библиотеки, не врывались холодные влажные океанские вихри. Было замечательно. Тепло и сухо. Это там, на улице, природа показывала свои страсти, дерзкую волю. Потому и спорить с нею было бес-

смысленно. Мои книжные формуляры так быстро заполнялись названиями прочитанных книг, что уже к концу пятого класса их набралась целая стопа. И они молниеносно менялись каждый год.

Свою любимую библиотеку я застал в период активного расцвета. Душевная работа с детьми была на подъёме. Ведь занимались с ними люди очень увлечённые, искренне любящие своё дело. Мне тогда очень повезло на них. Вместе с ними мы, маленькие читатели, ходили в кино, на все возможные детские спектакли, которые играли сами детишки, смотрели диафильмы.

Было такое яркое развлечение, когда по какой-то причине, в основном из-за погоды, нельзя было идти на улицу. И когда меня однажды не взяли из-за возраста (туда пошли старшие подростки), стало очень обидно — не хватает каких-то двух лет, и вот тебе раз, уже не берут. В одной из небольших комнат под руководством библиотекарей мы делали к различным праздникам самодельные игрушки, подклеивали, чинили старые книжки в «Книжкиной больнице», занимались другими полезными делами.

К сожалению, не запомнил их имён, фамилий, а так надо было бы оставить у себя в памяти. Прекрасные люди красивого, значительного труда... В восьмом классе я стал ходить туда реже, и к концу учебного года, придя однажды в библиотеку за очередной порцией книг, вдруг понял — это в последний раз. При виде пустого тихого зала, стеллажей

с книгами мне стало грустно — прощаясь с библиотекой, я прощался с детством. Пришлось по возрасту перейти в юношескую библиотеку, но она не давала такого благодарного заряда, как детская. Пару раз посетив её, я понял, что это «не мой размерчик», и сразу записался в краевую научную библиотеку, благо возраст позволял, да и институт какой-нибудь был не за горами...

Вернусь домой у края океана,
Где сон земной венчается зарёй,
И тайною открытый, утром рано,
Утёс амурский обниму рукой.

Далёким летом уносила птица,
Встревоженного бедами юнца,
И матери всегда он будет сниться,
Пред образами божьего венца.

Таёжные дни и туманы...

Мигом пролетели месяцы учебы в девятом классе. Подступил второй год, выпускной. Незадолго до окончания учёбы, в марте, пришли в наш класс двое — девушка и парень. Красиво и складно рассказали про работу в геологоразведке, а потом просто предложили: «Кто-нибудь из вас хочет с нами поехать в тайгу мыть золотой песок и брать на пробы другие минералы?»

Естественно, моментально вырос целый лес рук моих одноклассников, все немедленно захотели мыть золото, и я тоже, недолго думая, согласился. Меня поддержал Костя Джоган, в близком общении — Костян, с которым я сошелся в своём новом классе больше, чем с другими. Но к лету оказалось, что только мы с ним остались верны своей задумке.

Это была моя первая серьёзная дальняя поездка, на которую я решился, в общем-то, не сразу, а только после долгой и трудной беседы с мамой. Она нашла в себе огромное мужество, чтобы вот так просто, шестнадцатилетнего мальчишку-школьника отпускать далеко, невесть куда, и невесть с кем. Для меня же это было первое большое путешествие, как тогда пели и писали, «за туманом и за запахом тайги», ну и, конечно, с целью немного подзаработать.

С Костяном, если говорить точно, мы не были крепко дружны. Просто нас так свела жизнь, раньше говорили —

судьба. Мы с ним не ссорились, ладили мирно, если так называть школьные дела, но всё же закадычными приятелями нас назвать было трудно. Тем не менее, мы с ним как-то единомышленно сразу согласились на эту поездку и всю зиму, весну честно готовились.

Девушку-геолога, пришедшую в школу позвать нас на работу, звали Люба. Коллеги по работе, начальники звали её Любашей. С нею-то нам с Костей и пришлось работать целый полевой сезон в одном поисковом отряде. Их посещение резко изменило нашу школьную жизнь — нам не терпелось выехать в экспедицию. Каждый день после уроков мы спешили не домой, а в массивное серое пятиэтажное здание напротив, где размещалась Комплексно-тематическая экспедиция, и, найдя нужный кабинет, беседовали на всякие разные геологические темы с будущей начальницей отряда Лидией Дмитриевной Денисовой, красивой молодой брюнеткой.

Целых три месяца мы с Костяном стойко держали медицинскую оборону против уколов — проходили курс страшно болячих профилактических прививок от клещевого энцефалита. Наша борьба за здоровье закончилась успешно, и уже в конце мая, не скрывая удовольствия на лицах, с гордостью принесли начальнику отряда свои медсправки о нужных прививках.

А ещё через пару жарких весенних дней, написав заявления о приёме на работу в геологоразведочный отряд поисковой золоторудной партии, мы с Любашей пошли на склад

получать походную амуницию — кирзовые сапоги, рюкзаки, спальные мешки, инструменты и прочие геологические вещи, оказавшиеся в большом количестве. Сложили всё это добро в тюки и стали ожидать погоды, так как до района исследований нужно было лететь самолётом.

Был назначен день отправки, и 1 июня 1969 г., как раз в день моего рождения, наш отряд вылетел в Благовещенск на двухмоторном пассажирском самолёте Ил-14, тогда регулярно летавшем на короткие расстояния. А в войну, как я вспомнил из книжек, это были реальные бомбардировщики. Путешествуя на таком самолёте впервые, я, естественно, внимательно изучал всё, что казалось мало-мальски интересным.

Как нарочно, моё место оказалось напротив двигателя, и я не только мог с интересом наблюдать влажную вату облаков, ползущих за крыльями самолёта, красоту земной поверхности в разрывах туч, но и слышать всю «прелесть» его работы. Однако, вскоре утомившись, заснул коротким тревожным сном, несмотря на оглушительный шум моторов за бортом. Летели часа два с небольшим. Как и все наши геологи, я был одет по-летнему, в легкомысленных сандалетах-«лаптях» и рубашке. Но когда мы прилетели в Благовещенск, нас сразу встретил сильный проливной дождь. Это был первый «мокрый привет» природы. Пришлось переобуваться в сапоги прямо в самолёте.

— Да, не шибко ласково встречает нас Амурская область,

— думал про себя, примеряя новую обувь, которая станет для нас главной в этом царстве тайги. Мне-то было проще. К сапогам я привык, отец издавна учил нас правильно наматывать портянки, будто готовил нас в солдаты. А вот Костян ещё долго мучился с ними, сбивая ноги до кровавых мозолей. Неторопливо разгрузились. Ждём рейсового «аэроплана» на Экимчан, районный посёлок в Амурской области. Туда должен был лететь «кукурузник» — Ан-2. Тут наш небольшой отряд разбрёлся кто куда. Уставший от полёта, захожу за угол небольшого здания, оказавшегося кассой, выбираю место потенистее и тут же засыпаю, утомлённый жарой, ожиданием, и голодом. Мы ничего не ели с утра, если не считать стакана тёплого лимонада и печенья, любезно поданных бортпроводницей ещё в воздухе.

Не знаю, сколько я спал в тени здания аэропорта, но, неожиданно проснувшись, вдруг не обнаружил вокруг себя своих товарищей по путешествию. Чего только не сделаешь спросонок... В голове мелькнула шальная мысль: «Улетели без меня... Забыли... Надо срочно бежать к самолёту...». Вскакиваю, выбегаю на лётное поле, а там уже разворачивается Ан-2, молотя воздух винтом. Эх, знать бы, куда он летит, да куда там. Лётчик в кабине явно обалдел, когда у него на пути, как чёртик из-под земли, неожиданно вырос мальчишка, бестолково размахивающий руками.

Открыв форточку кабины, погрозил мне кулаком, а потом повертел пальцем у виска, словно говоря: «Ну и сотворил,

чокнутый какой-то...!» Маленько опомнившись ото сна, бегу обратно к зданию аэропорта и вижу своих путешественников, спокойненько лежащих в тенёчке на зелёной травке по другую сторону здания. Вскочив, я их просто не заметил и, естественно, забегал, как угорелый, по аэропорту, испугавшись незнамо чего...

— Ты куда это бегал? Чего там на поле увидел? — смешливо-вопросительно Костян лениво поднялся на локте. Не услышав моего ответа, отвернулся, мечтательно поглядывая в небеса, словно выискивая там нечто...

— Мы тут без тебя перекусили, чем бог послал. Любаша вся тебя обыскалась. Смотри, так не делай больше... Голодным всегда будешь оставаться». И снова упал на травку досматривать послеобеденные сны. Наступил полдень. Солнце встало в зенит и палило нещадно. Лежа на травке, смотрю, как в мелких зелёных джунглях кипит жизнь её обитателей...

Часа через два голос Любаши отрывает меня от наблюдений живой природы, и мы спокойно забираемся в долгожданный, потрёпанный атмосферными ветрами «кукурузник», чтобы геологическая судьба понесла нас в тумане густых облаков до какого-то неизвестного мне Экимчана. Впервые лечу на таком маленьком самолёте. Мощные потоки воздуха безжалостно качают его своими могучими объятиями. Прижавшись к жёсткой спинке откидного сиденья, с любопытством наблюдаю за сидящими пассажирами. Стару-

ха с корзинками, полными ягод и гостинцев, старый нанаец в летней охотничьей одежде, молодая женщина с ребёнком на руках, ещё одна женщина. Беременная, с красивым лицом, измученным страхом и недомоганием, ещё несколько безликих — всего-навсего двенадцать пассажиров вместе с нами.

А под крылом качается и дрожит в мареве тепла зелёное море тайги, зеркала бездонных болот, вертикальные спички деревьев, извивы маленьких таёжных речушек, их желтоватые отмели — всё уплывает назад, в пронзительную синь воздушного океана трёхкилометровой глубины. Перкалевые крылья старенькой «Аннушки» беспрерывно дрожат, балансируют в прозрачных потоках, на мгновения машина проваливается в воздушные «ямы», охватывая сердце клещами пронзительного холода невесомости, но самолёт потом выравнивается и, мелко вибрируя растяжками крыльев, снова пробивается вперёд.

Сидящая напротив беременная женщина в цветном платье, с лицом, белым как лист бумаги, плотно прижимает ко рту зеленоватый плотный пакет... Вижу, что она уже почти потеряла сознание на этих невыносимых облачных качелях, но ничего не могу поделать...

Наконец, приземляемся. «Аннушка», содрогаясь, бежит по грунтовке местного таёжного аэродрома. Будущую мамочку первой чуть ли не на руках выносят из самолёта подбежавшие родственники. А мы со своим походным скарбом двигаемся пешком в местную гостиничку. В Экимчане про-

были недолго — сутки с небольшим, ожидая хорошей погоды.

В день прилёта потяжелело приамурское небо. Снова пошёл дождь, но уже мелкий, нудный, задержавший нас на целый день в этом небольшом старинном, сегодня почти забытом посёлке золотодобытчиков. Непроницаемая серая пелена туч полностью закрыла небосвод, пронизывая вездесущей влагой практически всё. День и ночь соревновались друг с другом в количестве воды, выпадавшей из тумана низких душных облаков. Выходить из сырого «номера» даже не хотелось — вся одежда мгновенно становилась не столько мокрой, сколько сырой из-за чудовищной влажности тёплого воздуха.

К каверзной погоде добавились и другие, не менее мучительные и мерзкие для души и наших тел, испытания. Заночевали в крепко сложенной из плотного «листвяка» одноэтажной гостинице. Всю первую половину ночи пришлось стойко отбиваться от впервые увиденных и испытанных нами клопов, этих проходимцев настоящей Тьмы, точно падавших с потолка на наши молодецкие тела с большой жадой полакомиться юной, ещё не опробованной ими свеженькой кровью.

Проиграв первую половину ночной борьбы с ними, во вторую часть ночной битвы с этими существами Костян придумал нехитрый способ, а я полностью с ним согласился — спать при свете. Ведь если эти чёрные кровопийцы ада лю-

били нападать ночью, поэтому, по здравому размышлению, мы с Костяном лишили их лютого права, взяв на себя, ну, совсем небольшую проблему сна при горящей лампочке. И к полудню хоть как-то восстановили своё душевное спокойствие.

Конечной точкой нашего путешествия были окрестности Златоустовска — большого посёлка золотоискателей в Амурской области. Начальнице отряда, Лидии Дмитриевне Денисовой, как женщине с ребёнком, начальники в большом городе поручили этот более лёгкий геологический участок.

Но для нас всё равно это было впервые. Мы до таких тонкостей догадаться не могли. Да и не собирались... Наши взрослые коллеги быстренько сняли дом в посёлке, а нам с Костей любезно разрешили поставить палатку во дворе. Уже на следующий день вышли в первый маршрут по окрестностям. Утром поднимались пораньше, в местной небольшой столовке пили чай с какими-нибудь пирожками и уходили в тайгу, километров за 10—15. Копали небольшие шурфы-ямы, брали пробы грунта, подписывали карандашом этикетку и закладывали в полотняный мешочек.

Любаша, как техник-геолог, аккуратно всё записывала простым карандашом в свою специальную пикетажную тетрадку. Всё для меня было внове: я разглядывал тайгу, её живность, впитывал картины лесной жизни, понимая, что это всё скоро закончится и мы уедем отсюда. Надо было, конечно, побольше фотографировать, но за работой этого не

сделаешь много, поэтому из тайги привёз не очень много снимков. Но каких!

Наш поисково-разведочный отряд КТЭ (фото автора, июль 1969 г)

Вот таким был наш немного смешной, но в общем весёлый геологический поисковый отряд седьмой комплексно-тематической экспедиции из четырёх человек: начальника отряда, а по совместительству прекрасной жены и мамы, Лидии Дмитриевны Денисовой, её сына Саши десяти лет от роду, техника-геолога Любы, и нас, двух исполнительных рабочих, помощников — Костяна и Мишки, вашего покорного слуги, автора этих строк.

Любаша, надо сказать, в это самое время переживала со страшной силой в душе первую часть любовного романа со своим коллегой, техником-геологом Сашкой Родинцевым, и уже по приезду на место маршрутов попросила Лидию Дмитриевну, как лицо официальное, тут же, в посёлке, зарегистрировать их брак, не дожидаясь возвращения в Хабаровск. Начальница душевно поняла её нетерпение и согласилась при одном условии — их семейный союз должен был стать вечным.

И в один из погожих дней она с улыбкой подписала их заявление, заверив в местном Совдепе. Забегая вперёд, скажу, что это пожелание не исполнилось — через десяток лет они расстались. Презренная «бытовуха», неустроенность жизни и, главное, алкоголь медленно убили их так сладко начавшуюся семейную жизнь.

Лет пятнадцать спустя, зайдя в здание экспедиции, чтобы увидеться с работавшей там однокурсницей, в коридоре столкнулся с неприглядно одетой, почти спившейся женщиной, и едва-едва узнал Любашу, в таком виде представшей предо мною. Теперь она работала уборщицей в одном из складов экспедиции, давно забросив учёбу в Иркутском горном институте, закончить который так мечтала.

Сын нашей начальницы Лидии Дмитриевны, Саша, вырос. После окончания школы с золотой медалью стал геологом, как и его родители, кандидатом наук, видным специалистом по россыпному золоту. Лидия Дмитриевна очень любила сына, оставить дома не могла — работа не ждала. И потому он оказался вместе с нами, испытывая все «прелести» полевой геологической жизни. Мы с ним, конечно, общались, но немного, не до того было: объём работ был просто огромный, и потому рассказать подробно о нём за давностью лет нет ни возможности, ни нужды.

Следы Костяна сначала затерялись во времени, но потом обнаружили: он стал старшим преподавателем института связи в г. Хабаровске. Мой приятель обожал свою математику, но в науку так и не пошёл, стал просто наставлять студентов, чтобы они не заблудились в дебрях её знаков и формул.

Вообще компания наша была замечательной хотя бы потому, что приехавший Саша Родинцев, жених и кавалер Любаши, развлекал нас гитарными переборами, а мы с Костяном от скуки порой пели песни по вечерам, сидя в своей дво-

ровой палатке, приводя местных жителей в изумлённое состояние от таких концертов.

В Златоустовске, к удивлению начальницы, мы довольно шустро закончили объём работ, просеяли ситами практически все мыслимые и немыслимые грунты и пробы, которые Любаша потом отправляла посылками в лабораторию экспедиции. Ну мы и понадеялись на отдых после такой тяжкой работы. Но не тут-то было. Мешочек с куском пересохшей земли назывался пробой.

Когда мы лопатками брали эту почву, с нею ещё можно было иметь дело. Выкопать кусок земли, описать его, положить в матерчатый мешочек с подписанным номером на бумажке — это было ещё полдела. Главное состояло в том, что пробу нужно было обработать: высушить, размельчить, просеять, а самую мелкую фракцию — пылевидную — засыпать в специальный свёрнутый геологический бумажный пакетик и отослать в город для исследования на предмет содержания конкретных элементов: палладия, золота и прочих ценных элементов.

На промывке проб драгметаллов (фото автора, июль 1969)

Здесь я тщательно учился мыть пробы на золото. Где-то на одном из ручьёв нашёл странную угловатую деревяшку, довольно тяжёлую и непонятную. Но, сопоставив нашу работу и находку, понял, что это лоток «чёрных» золотоискателей. Притащил его в лагерь, Любаша показала, как им пользоваться.

Однако всерьёз этим делом нам было заниматься не с руки — объём работы был велик, да и погода перестала баловать погожими днями — небо день ото дня становилось всё мрачнее и мрачнее. Но рабочие планы экспедиции надо было выполнять. Наши смелые женщины, у них при себе не было никакого оружия, снова и снова уходили дикой тайгой в маршруты без нас.

А ведь в любой момент могли встретить наглую росомаху, а то и медведей. Или, не дай бог, медведицу с непутёвой малышкой. Пока они обходились простой съёмкой рудного участка, изучали рельеф, иногда брали шлихи, отмытые пробы грунта из ручьёв. И собирались совершать маршруты дальше по всем назначенным геологическим профилям.

Эвенки, когда-то кочевавшие здесь со своими оленями, никак не хотели использовать человеческое жильё. Построенные для них дома они попросту запустили, использовали как склады. Для себя же ставили привычные чумы. Были тут кое-какие их следы.

Главная особенность чума этих таёжных кочевников в

том, что это был абсолютный конус без каркасных стен, полностью разборный, а его покрытие привязывалось к жердям верёвками из оленьих жил или корней деревьев. Войти в чум можно было с любой стороны, но традиционно вход делали с востока. Остались внутри язычниками навсегда, однако...

А от казённых деревянных домов, которые так и не пришли по душе лесным людям, сохранились лишь одни стены. Среди руин нашли по виду стол, но в нём осталась одна верхняя доска; остальное, всё, что могло гореть, ещё раньше кто-то из «гостей» пустил на спасительный лесной костёр. Лидия Дмитриевна поставила задачу: «Мальчики, запасаемся дровами как можно больше. Мы здесь надолго».

И я понял, что предстоит обработка невиданного количества проб. Вдвоём с Костяном мы лихо разобрали на дрова остатки крыши дома — всё равно в нём давно никто не жил. Все путники, в основном такие же, как и мы, геологи, кому было не лень, только и пользовались им как дровяным запасом. Где-то внутри всё время билась мысль, как бы успеть с дровами до дождей — погода всё время пугала и торопила.

Солнца не видели уже вторую неделю, да и гнус, мелкая жуткая мошкара, терроризировала всё больше и больше. От неё никуда нельзя было спрятаться. Мелкая, почти невидимая таёжная точечная дрянь заползала везде, где могла и куда успевала. Не помогал испытанный дым, химикаты. Мы с Костяном ходили закутанные по самые глаза, как бедуины, арабы-пустынники.

И природа не пошла на то, чтобы сжалиться. Она просто сменила свою пытку. В последний день заготовки дров для костра внезапно наступило резкое потепление, и я мелкими остатками метеорологических знаний вычислил, что грядёт большая и долгая влага. В тайгу ходили только четыре дня, а потом сразу полили дожди, стала одолевать невыносимая сырость.

Дождь в дальневосточной тайге — уж совсем не Европа. Это стало понятно только потом, когда мне было с чем сравнивать, побывав в европейских столицах. Так оно и случилось. Наутро начавшейся второй недели нашего сидения на участке он пришёл. Наш враг. Хуже медведя. Потому что зверя летом ещё можно как-то напугать, прогнать. Хотя бы дымом. В эту пору он более-менее сыт. А природу не прогонишь — она вездесуща. Висит над нами круглые сутки, молчит и ничего не просит. Просто держит за горло своей железной хваткой, поливая бесконечной мелкой влагой...

Это было самое худшее время экспедиции, когда во время дождя, сильного или мелкого до уныния (разница в том небольшая), ничем практически заняться было нельзя. После скромного «геологического» ужина — каши с тушёнкой и малосладкого чая с сухариками — укладывались по палаткам, выслушав напоминания начальницы:

— Ребятки, не забудьте дымокур на ночь развести, а то не дай бог забредёт косолапый в гости. Чего делать-то будем? Прикрыв дымящиеся поленья куском железа, чтобы за ночь

они совсем не погасли, заползаем в свою палатку на ночную дремотную пытку. Настырные мелкие капли таёжной влаги монотонно барабают по туго натянутым скатам нашей древней «памирки», да и мысль о мохнатом хозяине тайги мешает заснуть.

Сначала для храбрости «травим» анекдоты, но потом понимаем — сон важнее. Да и решили — зверь к дыму всё равно не сунется. Забоится. Страшно уставшие за день, наконец, засыпаем. Поутру, ох, как неохота вылезать из тёплого спального мешка, покрывшегося густой росой снаружи, разводить огонь, готовить отряду чай да кашу. Тяжко и грустно, потому что вчерашняя тяжесть так и валит с ног обратно в уютную глубину мягких одеял, которая в этот неурочный час милее всего, даже страшно сырая. Так бы и лежали в спальнях мешках от еды до еды всухомятку.

Однажды утром Костян взмолился: «Ты почему меня бросил? Не мог заснуть — весь застыл за ночь!» Я удивился: «Ты о чём?» На что получил ответ: «Ты в своём мешке такой горячий, что и печки в палатке никакой не надо. Укатился куда-то на её край и меня без всякого тепла оставил. Парусина одеяльная вообще не спасает!»

Только что я мог ему сказать в ответ? — Ну, друг, извини, ты ж знаешь, что я сплю крепко. Ничего тут не попишешь. Но, пересилив себя, выбираемся на свет божий и начинаем каждый день все сначала! На этом заброшенном руднике мы целых три недели пилили под мелким гнусным дождём дро-

ва, зябли в сырых плесневеющих палатках, всячески бодрились перед своими женщинами. Совсем не кутались в припасённые ватники.

В жутких полевых условиях умудрялись сушить пробы. Причём эта сушка вытягивала из нас все жилы — не потому, что это было физически тяжело, а потому, что такую сухую работу сложно было сделать в непогоду, когда практически нет хороших дров, дающих жаркое пламя, а костёр из-за непогоды каждую минуту мог спокойно и тихо умереть. В том же разорённом кочевниками-эвенками доме нашли большой плоский кусман листового железа, непонятно откуда свалившийся. Тут же моментально превратили его в замечательную сковородку для подсушивания проб. А потом сделали после испытаний крышей для костра.

Требовательный и пунктуальный до этого Костян махнул рукой на все геолого-технические требования, и дело пошло. Внедрили разделение труда: один долбит, другой сушит. И мы так лихо обработали все взятые пробы, что даже измученная дождями наша Лидия Дмитриевна только умилилась — какие мне «золотые» ребята попались! А эти «ребята» иной раз так запутывались в номерах проб, что даже Костян-педант со своей феноменальной математической памятью не мог вспомнить, где что лежало, сушилось и тряслось на ситах. А потому, изнемогая под тяжестью грунта, он мужественно изрекал: «Зараза к заразе не пристанет», — и, быстро отряхнув сито от предыдущей пробы, засыпал в неё

новую порцию грунта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.